

Шёл оборванный грязный бродяга,
Ночевавший в траве под мостом.
Шёл домой и в глазах была влага —
Вспоминал он родительский дом.

Десять лет, как из старой калитки,
Чтоб дружкам бросить деньги на стол,
Обобрав своих близких до нитки,
Он родителей, бросив, ушёл.

Ну, а дальше всё в пьяном тумане.
Унесла его дней кутерьма:
Воровство, грабежи и обманы,
Пьянки, драки, кутёж и тюрьма.

Отсидел. Только встретят ли дома
И простят ли ему его грех?
Там, где всё так до боли знакомо,
Где когда-то звучал его смех...

Захотят ли вновь сына увидеть,
Смогут ли все обиды простить
Вновь тому, кто их смог так обидеть?
Если нет, то зачем заходить?

Написал им письмо: «Коль простите,
Чтобы это увидеть я смог,
Изнутри на окно поместите
В знак прощенья белый платок.

Если нет — заходить я не буду,
Сердцу больно, но я заслужил.
Значит нет меня, нет ниоткуда,
И считайте, что с вами не жил.»

Шёл он к дому, и ноги немели,
Но увидел в сиянии дня —
Во всех окнах платочки белели,
А на крыше была простыня.

Так и Бог – если просим прощенья,
И хотим мы исправить себя,
Все грехи наши, все прегрешенья
Нам прощает, нас вечно любя!

Юрий Вакула